

**ВЛАДИМИР ТОРЧИЛИН**



*Одна  
жизнь*

**рассказы и повесть**



ВЛАДИМИР ТОРЧИЛИН



*Одна  
жизнь*

рассказы и повесть

БОСТОН • 2023 • BOSTON

**ВЛАДИМИР ТОРЧИЛИН. Одна жизнь** (*рассказы и повесть*)  
**VLADIMIR TORCHILIN. One Life** (*short stories and novella*)

Copyright © 2023 by Vladimir Torchilin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533043 (hardcover)

Library of Congress Control Number 2023939156

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ [mgraphics.books@gmail.com](mailto:mgraphics.books@gmail.com)

🖥 [mgraphics-books.com](http://mgraphics-books.com)

Book Design by M•GRAPHICS © 2023

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2023

При подготовке издания использован модуль переносов  
русского языка ВАИ™ ([www.batov.ru](http://www.batov.ru))

Printed in the United States of America

## СОДЕРЖАНИЕ

### Рассказы

Лестница . . . . .	7
Время между . . . . .	13
Тропинка на берегу . . . . .	63
Раффлз Отель . . . . .	75
Человек на соседней койке . . . . .	86
«Баптист» . . . . .	94
Зимние ботинки . . . . .	105
Ночь в Афинах . . . . .	109
Le Safard (Командировочный). . . . .	113
Зеркало . . . . .	126
В чем же дело? . . . . .	131
Темнота . . . . .	137
Паучок . . . . .	141
Портрет мерзавца в расцвете лет . . . . .	146
Елы-Палы . . . . .	159

### Повесть

Из дневника (Одна жизнь) . . . . .	187
------------------------------------	-----

## ЛЕСТНИЦА

*Жизнь по преимуществу печальна.*

*А потом сразу умираешь.*

Януш Вишневский

— **Д**вадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...  
И все медленнее:  
— Двадцать девять, тридцать...

— Господи, ну какого хрена весь мир состоит из лестниц! Куда не пойдешь — одни лестницы. В метро спуститься — лестница, из метро подняться — опять лестница. Да даже с одной стороны улицы на другую перейти — опять лестницы! В музей — лестница, из музея — лестница. Конечно, лифты тоже кое-где есть, но не они миром командуют, а лестницы! Лестницы... лестницы... лестницы...

Он попытался вспомнить, когда впервые обратил на это внимание. Вроде бы, это было в Лондоне. Да, наверное, в Лондоне, где он всегда клял старое метро, построенное еще без эскалаторов с многочисленными переходами вверх-вниз, когда нельзя даже на минуту остановиться передохнуть — хотя какой там воздух в лондонской подземке — как ни лови его, дыхание все равно восстанавливается медленно, а остановиться нельзя, поскольку всегдашняя плотная лондонская толпа неумолимо заставляет шагать по ступеням в темпе, заданном куда более молодыми пользователями подземки, которые небось этих лестниц и не замечают — прут себе и прут. Особенно, помнится, это доставало его на станции Рассел Сквер, где, чтобы добраться до поднимающегося на уровень улицы лифта, надо было отшагать черт знает сколько ступенек по истоптанной тысячами — да что там тысячами! миллионами, наверное, — лестнице. И ведь каждый раз, когда ему приходилось бывать в Лондоне по делам, его как специально фирма селила все время в одном и том же отеле на этой самой клятой Рассел Сквер, так что эта лестница ему даже в кошмарах порой снилась. Странное, кстати, дело — всего лишь

какая-то лестница, а в ночном сне она являла собой кошмар и, главное, без всяких там особо страшных выкрутасов — просто удлинялась и удлинялась, да так, что ее выводящий к лифту верхний конец уходил куда-то в такую даль, что его и видно переставало быть, и сам себе он представлялся тогда каким-то сизифоподобным созданием, обреченным до бесконечности тащить свое погрузневшее к старости тело по грязным каменным ступеням, так что просыпался он, задыхаясь и взмокшим так, что аж сквозь одеяло проступало.

Или нет, а, может, в Париже — когда с дамой, что при нем тогда состояла (или он при ней) — метались они с одной стороны Елисейских Полей на другую через подземные переходы, и ведь каждый раз сначала ступенек двадцать вниз, а потом столько же и вверх, и опять, и опять, а все потому, что роскошные магазины, которые ей непременно надо было посетить все до единого, располагались по разным сторонам улицы, а когда он, в конце концов, отстал от нее на добрых полперехода, и ей пришлось ждать его, нетерпеливо постукивая ногой по разбитым плитам подземной мостовой — ну чисто лошадка перед выездкой, то дождавшись, она, донельзя раздраженная задержкой — еще бы! вдруг чего-то досмотреть не успеет, в ответ на его жалобы по поводу этих замучивших его лестниц негромко, но отчетливо прошипела: «Чтоб ты сдох!». Впрочем, дело в любом случае шло тогда к расставанию. А вот лестницы запомнились.

В общем, заметил он это так давно, что уже и не вспомнить точно. Лет двадцать тому. Вот, значит, сколько времени он уже сражается с лестницами. И, похоже, сражение свое проигрывает, хоть пока и сопротивляется. Да, в общем-то, какая разница, где именно он разглядел в лестницах своего врага, главное, что эта вражда появилась и не только со временем никуда не ушла, но совершенно напротив — становилась все сильнее и ожесточеннее. Всегда ли так было? Наверное, нет, но того, что было до этого лестничного периода его жизни, он уже просто не помнил...

И потом, уже не с временной знакомой, а с вполне постоянной законной женой, которая нередко отправлялась с ним в его частые командировки, особенно если ехать ему надо было в места, по ее мнению, интересные или еще ею не посещавшиеся, именно лестницы портили ему все удовольствие. Он вспомнил, как она, большая любительница походить-полазать по всяким интересностям, затащила его на крепостную стену в Дубровнике, где ступенчатых подъемов и спусков оказалось несчитано,

и он еще тащился за ней, с ненавистью глядя на ее стройные ноги, мелькавшие у него перед глазами, легко пересчитывая ступени. Она торопила его от одного роскошного вида к другому, а ему не хотелось признаваться, что ноги уже просто отказываются взбираться по очередной лестнице, и он, чтобы хоть чуток передохнуть, останавливался как бы полюбоваться открывающимся с высоты пейзажем, на который он и не смотрел, непрерывно думая единственную оставшуюся в голове мысль, сколько еще этих чертовых ступенек надо будет пересчитать, прежде чем вытянуться на прохладной простыне в гостинице.

Лишний вес, лишний вес, про который все время толковала ему жена — да у него всегда был лишний вес, и ведь это никогда не мешало ему ни в чем, точнее, не мешало (если это и правда именно лишний вес виноват, а не какая иная менее очевидная и более inferнальная причина), пока не началась эта его борьба с лестницами.

И он, не забывая считать пройденные ступени, продолжал мысленно множить свои претензии. Вспомнил Сицилию, где их гостиница с конференц-залом стояла на крутом средиземноморском берегу, а все самые лучшие рекомендованные им консьержем рестораны были внизу, у самой воды, и когда они все сидели за столиками, заставленными тарелками с самой потрясающей едой и бутылками с темным сицилийским вином, он, как и все другие, восхищался трапезой, но в голове была только одна пугающая мысль — как он будет, да еще после такого ужина, карабкаться, стараясь не отстать от компании по всем этим ста тридцати четырем — вот, до сих пор точное число помнит! — ступеням обратно к номеру.

Или маленькие итальянские городки, где так часто устраивали деловые встречи его партнеры, а потом шли побродить, и всегда бродить надо было по лестницам, ведущим от вполне цивилизованного подножья холма, где стояли новые районы с удобными гостиницами и вполне достойными ресторанами, к вершине, где располагался старый город, который почему-то всегда казался коллегам интересным и достойным специального посещения, хотя таких же городов с такими же площадями и церквями, и магистратами было не счесть на многочисленных тосканских и умбрийских холмах. И он послушно шел со всеми и тоскливо взбирался, стараясь даже не участвовать в разговоре, чтобы окончательно не потерять дыхание, и мечтая, как часа через полтора-два он будет спускаться вниз.



Вот и в этот раз — ну кто его тянул соглашаться на то, чтобы отметить завершение встречи в каком-то знаменитом ресторане на самой вершине возвышающейся над городом горы, хотя не менее знаменитых ресторанов в двух шагах от гостиницы и безо всяких подъёмов он насчитал добрых полдюжины, да и к его мнению, как старейшины, точно прислушались бы. Так нет — согласился с этими молодыми козлами, что ужин с видом на ночной город — это самое то, и именно там надо завершить их короткий, но весьма плодотворный визит в этот город. Прямо скажем, легкомысленно согласился — то ли чтобы вместе с ними чувствовать себя молодым, то ли чтобы не дать им почувствовать, что он больше не молодой — и вот теперь с трудом пересчитывал ступени на этой бесконечной лестнице.

— Ну зачем мне непременно надо было переться по этой лестнице! Ведь можно же было по нескольким улицам не торопясь добрести. По карте же ясно было, что можно. Не торопясь, по полого поднимающимся вверх брусчатым мостовым, без этих лестничных сердцебиений и задыханий... Нет — захотелось время сэкономить! По лестнице напрямик подняться! Только кто же мог знать, что этой лестнице конца не будет!

— Шестьдесят пять, шестьдесят шесть, шестьдесят семь...

— Нет, тут точно передохнуть надо, а то сердце изо рта выскочит, да и дышать совсем тяжело. Такое впечатление, что все время врали, и в воздухе кислорода вовсе не двадцать процентов, а от силы процентов восемь, если не меньше.

Он привалился к перилам и постарался дышать поглубже и поспокойнее, но все равно воздух в легкие шел рывками и с трудом.

Город светил вечерними огнями снизу. Ну и что такого особенного в этих вечерних огнях? Огни — они и есть огни. Даже непонятно, на чем. Почему это должно считаться каким-то исключительным видом. Ладно бы еще днем — тогда хоть город видно и реку, и мост красивый, и махину собора, а ночью-то что?

Он стоял, облокотившись на металлические перила и глядя вниз, и чувствовал, как сзади его обходили другие люди, для которых, по-видимому, подъем по лестнице был делом привычным и нетрудным, если судить по их частым и равномерным шагам.

А он смотрел вниз, видел или, точнее, не видел, а ощущал, как между ним и городскими огнями пролетают незаметные в темноте птицы, и об их присутствии можно судить только потому,

что на мгновение пропадают из вида некоторые огоньки внизу, и почему-то вспомнил как когда-то давно — он даже забыл, где именно и когда именно это было — он смотрел из окна своего номера в отеле около аэропорта на многочисленные аэродромные огни и вдруг заметил, что некоторые посадочные огоньки и освещенные окна отелей на противоположной стороне за оградой аэродрома ненадолго исчезают, чтобы появиться вновь, а теперь уже исчезают соседние, как будто какая-то темная волна неторопливо катится по полю. И ему понадобилось время, чтобы понять, что это всего лишь вырубивает к взлетной полосе очередной самолет, неразличимая в темноте туша которого просто на несколько секунд оказывается между ним и огнями.

И это воспоминание потянуло его еще дальше, в когда-тошнюю осень, когда он сидел дома у окна и смотрел, как из леса на поляну перед домом выходит туман. Туман двигался медленно, неотвратно и очень старательно замазывал каждое дерево, так что сначала от дерева оставалось только несколько темных пятен, которые потом бледнели и уменьшались, пока не исчезали в белом, и тогда туман принимался за следующее дерево...

В этот момент он одернул себя, осознав, что все эти воспоминания его хитроумная память вытаскивает одно за одним, просто чтобы подольше подержать его на этом месте и сколько можно задержать его тяжелое восхождение. Нет — он сильнее своей слабости и будет продолжать свой поход вверх, тем более что время уже всю поджимает, да что там поджимает — он уже опаздывает минут на пятнадцать, так что его сотрапезники уже небось приступили к ужину — семеро одного не ждут.

И он двинулся в путь, приговаривая в такт шагам вполне уместное на этот момент: «Ты чего, едрена вошь, без меня какаву пьешь». Помогло ступенек на тридцать. А дальше пошел все более мучительный и прерывистый счет:

Восемьдесят две... восемьдесят три... уфф... восемьдесят четыре...

Попалась на глаза валяющаяся (брошенная? забытая?) на ступеньках книга. Наверное, осталась от студентов, которые при свете дня умудряются читать на лестнице учебники, специально для этого задерживаясь (как ему объяснил кто-то из местных) на пути из нижнего в верхний университетский кампус. Но память опять потащила его в сторону, и он вспомнил большие, шершавые, блеклых тонов книги, с коричневатой толстой бумаги которых смотрели мелкие буквы однотомных полных собраний

классиков минувших времен. Ему всегда казалось странным, как это — вот, к примеру, хоть Пушкин — стоит у отца на полке десяток плотных синих с золотом томиков — полное собрание, и понятно, в десяти-то томах все, что хочешь, собрать можно, а как же то же самое из десяти томов в один уместить — и опять полное? Потом как-то эти книги исчезли, понапрасну проошивавшись по самым затрапезным и не привлекавшим ничьего внимания полкам многочисленных тогда букинистических магазинов. Эти магазины он помнил. Они открыли ему глаза на то, что книга пригодна вовсе не только для чтения, но и для того, чтобы, всунув ее в окошко приемщицы со лживым поручением «от мамы», получить в награду за страх и потные подмышки сколько-то там мятых бумажек и мелочи.

Потом вспомнилось еще что-то, потом еще, и он уже даже не очень понимал, о чем, собственно, он сейчас думает, но продолжал медленно и упрямо карабкаться, ловя ртом какие-то жалкие куски шершавого воздуха и чувствуя, как в ушах отдается рваный стук сердца.

Сто восьмая... Сто девятая... Сто десятая...

Время как будто остановилось. Его уже никто не обгонял, потому что уже не было никого на лестнице в тот поздний час, когда он копошился на сто десятых, уже давно опоздав к ужину и даже позабыв о нем. Все, что он помнил, — это то, что перед ним очередная лестница, и он должен по ней куда-то взобраться.

Наверху его ждали. Ждали долго, но когда прошло уже больше получаса от назначенного для встречи времени, решили, все-таки, начинать без него. И кто-то даже убедительно произнес, как бы подводя ожиданию итог: «Похоже, он передумал. Мы его неждемся».

И не дождались...

Нашли его утром, когда ранние уборщицы вышли вымести лестницу от остатков вчерашнего вечера — стаканчиков из-под кофе, банок из-под пива, окурков и прочего. Он стоял на коленях, привалившись виском к скале справа, не видный ни снизу, ни сверху, поскольку этот пролет как раз соединял нижнюю и верхнюю части лестницы и ниоткуда не просматривался. И если кто-нибудь не поленился бы посчитать, то оказалось бы, что эта ступенька сто тридцать третья, если считать снизу, а доверху ему оставалось еще семьдесят две...

## ВРЕМЯ МЕЖДУ

### 1

Судьба играет человеком... а человек играет на трубе. Вторая часть присловья не годилась — на трубе Виктор не играл. Зато с первой было все в порядке — на его взгляд, судьба поначалу даже как-то чрезмерно с ним заигралась, вроде бы и вовсе позабыв, что уж чего-чего, а вот кем бы еще поиграть, у нее хватает. Пусть бы вспомнила и хоть на сколько оставила именно его в покое. А то не оставляет и не оставляет. С самых еще институтских времен, когда был Виктор юношей спокойным и без претензий (впрочем, таковым он оставался и в дальнейшем). В меру симпатичным и в меру способным. Но уж, несомненно, человеком приличным, надежным и всегда готовым помочь. Чем все без зазрения совести и пользовались. Вот так и вышло, что загнали его завхозом в летний стройотряд как раз тогда, когда вполне успешно начал развиваться его первый серьезный роман с некой милой и даже длинноногой однокурсницей. И ведь все, кто ехать не хотел, включая эту самую однокурсницу, тем или иным способом отмотались, а он, как ни тянуло его остаться на лето в Москве и продолжить такие осязательно приятные встречи в вечерних аллеях Ленинских гор, сачковать застенялся и, повздыхав, поехал. И хоть завхозом он был идеальным и репутацию себе завоевал хорошую и основательную, но сил на то, чтобы все в отряде было в порядке, потратил столько, что, вернувшись в Москву, без малого неделю отлеживался и спал часов по восемнадцать в сутки, прежде чем смог, наконец, позволить себе подумать о свидании и позвонить своей девушке. А позвонив, узнал, что, во-первых, он сам во всем виноват — незачем было уезжать из Москвы, когда у них были такие планы (увы, никаких особенных планов ему припомнить не удалось), а во-вторых, что не из такого материала сделаны симпатичные московские студентки, чтобы два летних месяца проводить в скуке и ожидании, и что барышня его уже давно, примерно с месяца, но уж никак не меньше — встречается с совсем дру-

гим, которого он не знает, да и знать ему не надо; и снова было повторено, чтобы окончательно вбить в его голову, кто именно все испортил, что нечего было ее одну бросать на все лето. Такой вот тривиальный конец первого романа. Но дело даже не в романе — не так уж долго он и терзался роковой изменой, а в том, что эта история стала как бы камертоном его дальнейшего жизненного пути.

И путь этот был не то, чтобы уж совершенно чудовищным — нет, в общем и целом он проистекал столь же рутинно дерьмово, как и у подавляющей части народонаселения великого и могучего и даже еще нерушимого тогда Союза, так что раздражало вовсе не это, а то, что прежде, чем войти в стандартную дерьмовую колею, судьба на каждом своем повороте зачем-то неизменно изгалялась над Виктором, с дурацкой постоянностью мороча ему голову разнообразными восхитительными возможностями, которые так никогда и не реализовывались. Когда на последнем курсе дело шло к распределению, то хоть и не хватавшему звезд с неба, но старательному и надежному Виктору твердо было обещано место в аспирантуре у одного их институтского молодого и выдающегося профессора, который как раз все недоставшиеся Виктору звезды с неба и похватал, почему и искал себе на кафедре не умников — идей хватало и собственных, — а работников, а тут Виктору и карты в руки. Естественно, Виктор согласился без раздумий и все последующие предложения об устройстве в другие более-менее приличные места отвергал, что называется, с порога. Незадача случилась уже перед самым распределением — умного профессора пригласили завести большим отделом в престижном академическом институте, куда он немедленно подался, чтобы не упустить шанса, а Виктор повис между небом и землей — на кафедре он никому уже нужен не был, а все места попрличнее, от которых он еще так недавно гордо отказывался, были уже разобраны более сговорчивыми однокурсниками. Пришлось выбирать из оставшегося. А оставалось-то... даже и говорить неудобно! Вот так он и попал в маленький запущенный институтик при каком-то объединении, протiwоестественной длины аббревиатурного названия которого он так никогда толком и не запомнил. Да и зарплата по минимуму. Но снова как будто бы поманило. Не успел он и полгода проработать, как им на лабораторию спустили нового начальника — спившуюся и планомерно катившуюся вниз знаменитость, которой только старые друзья из уважения к бывлым

заслугам помогли хоть где-то зацепиться. И надо же — в один из нечастых моментов просветления знаменитость повела глазами по ржавым стенам и мрачным мордам места своего последнего назначения и наткнулась налитым вчерашней тяжестью взглядом на Виктора, лицо которого еще не потеряло выражения некоторого интереса к происходящему вокруг, да и одежда пока что сохраняла некоторый независимый студенческий шик. Какие цепи включило в разболтанном мозгу когдатощней знаменитости это видение, никому угадать не дано, но вот то, что в результате такого внезапного включения Виктору стали периодически — с частотой, соответствующей моментам просветления, — доставаться встречаемые с неизжитой восторженностью умные советы и интересные поручения, сомнения не вызывает. И настолько умные и интересные, что не прошло и двух лет под не всегда трезвым, но все же ума не пропившим руководством, как всем стало ясно, что у Виктора, работавшего все это время по четырнадцать часов в день без суббот и воскресений, от чего в их занюханном месте, если когда и видели нечто подобное, то давно уже отвыкли, вытанцовывается несомненная диссертация, и очень даже неплохая. Чего ж вам боле? Так что даже ученый совет, давно пришедший по поводу постоянно копошившегося в лаборатории Виктора к мнению о том, что он очень мил — да и как он мог не нравиться, когда его работоспособность и даже некоторая одержимость поучительно демонстрировали, от каких жизненных неудобств сами члены совета давным-давно благо-разумно избавились, — решил, что он к тому же и весьма учен, и не только без особых осложнений утвердил ему тему, но даже и примерно назначил не такой уж и далекий срок защиты.

И опять вмешалась явно недолюбливавшая Виктора судьба. После лабораторного отмечания очередной революционной годовщины — отмечания по полной программе, поскольку в их дыру даже тотальная борьба за трезвость, в течение некоторого времени сотрясавшая просторы родного государства, и то не добралась, потерявши разбег где-то у Гастронома, стоявшего на углу магистральной улицы и их занюханного проулка, — не слишком качественный спирт, слитый из охлаждающей рубашки какого-то древнего прибора, к нестандартному вентилю которого наконец-то — исключительно хотелось выпить! — удалось подобрать подходящий ключ, и разбавленный до омерзительной теплоты водопроводной водой, последним ударом вмазал по ослабшему серому веществу некогда выдающегося завлаба, так что

той же ночью его забрала из дома неотложка, немедленно переправившая его в дурдом с учетом выяснившегося со слов семьи анамнеза, с одной стороны, и классической клиники белой горячки — с другой, и в этом дурдоме он безвременно и скончался, проведя три последних дня своей жизни в стремительных переходах от борьбы с какими-то только ему видимыми конкурентами за последний в его жизни, хотя и совершенно виртуальный, стакан к полному ступору. Тем не менее, похоронили его чин чинном, с торжественным прощанием в замызганном актовом зале и даже с прочувственной речью некоего членкора, добрых полтора часа проискавшего их невидную и неведомую ему в академических высотах шарашку по разрытым окрестным переулкам, чтобы проститься с другом юности. Естественно, Виктору своего завлаба и руководителя было очень жалко, но больше, так сказать, с человеческой стороны, поскольку со стороны деловой он уже был на финишной прямой и не видел, что могло бы помешать окончательному оформлению его работы и последующей защите. Увы, он ошибался.

Через месяц на освободившуюся должность назначили нового завлаба — то ли проворовавшего, то ли сморозившего что-то не то по идеологической части бывшего полуответственного товарища, умудрившегося в далекой молодости с грехом пополам окончить тот же институт, что много позже выпустил в жизнь и Виктора. Правда, в отличие от Виктора, безупречной общественной работой в течение всех пяти лет обучения он завоевал себе и право на аспирантуру, и даже на как-то сам собой образовавшийся по истечении положенных трех лет диплом кандидата. Институтское начальство по просьбе начальства партийного организовало ему защиту «для служебного пользования», и хотя ничем секретным в его работе и не пахло, такой нехитрый и весьма популярный в кругах желающих остепениться партаппаратчиков и гебистов маневр позволил отсечь все могущие возникнуть при защите вопросы со стороны досужих любителей науки, в результате чего будущий Виктор завлаб был выпущен в партийно-хозяйственные круги с ученой степенью. Так что новый начальник как бы просто вернулся работать по специальности. Скорее всего, этот завлаб, внезапно материализовавшийся из горячего воздуха высших сфер, просто предполагал спокойно пересидеть у них неприятности, ожидая с течением времени нового взлета в более привычные ему Палестины, но неукротимый бойцовский темперамент партработника просто не позволял ему

тратить драгоценное время безо всякой пользы для себя лично. В делах лаборатории он с дотошностью аппаратчика разобрался довольно быстро, столь же быстро поняв, что единственной более или менее интересной и перспективной темой является та, над которой, с подачи его предшественника, завершает работу Виктор. Самому ему вторая кандидатская была как-то вроде бы не нужна, а на докторскую работа никак не тянула, но зато у него была жена, а вот у жены, в свою очередь, кандидатской не было. Так что стоит ли удивляться тому, что в течение месяца эта самая жена сначала была зачислена в их институт на должность и.о. старшего научного сотрудника, а потом получила из рук мужа стопу почти готовых под переплет страниц, которые начальник попросил у Виктора под предлогом более детального ознакомления с его выдающимся исследованием. Пока она эту стопу переплетала в пахнущий дурной рыбой коленкор, предварительно размножив на положенное число экземпляров и даже не поменяв, как мог впоследствии убедиться любой желающий, если бы такой, паче чаяния, нашелся, ни одного слова в сыром еще тексте, начальник провел с Виктором беседу, в процессе которой с партийной прямоотой растолковал тому, что он еще молод и не беда, если защитится несколько попозже, а жене его времени терять уже никак нельзя, а если Виктор чего-то недопонимает и позволит себе возникать, то мгновенное увольнение его по безнадежной тогда статье за пьянку последует мгновенно, тем более что соответствующая информация была начальником с профессиональной сноровкой уже подобрана.

Ошарашенный Виктор не нашелся, что сказать, и только добавил завлабу компры на себя, поскольку в тот же вечер в смерть нарезался с каким-то еле знакомым механиком из соседнего отдела, о чем оказавшийся редкой сукой механик, пришедший в себя на следующее утро несколько раньше не слишком привычного к таким делам Виктора, на всякий случай немедленно доложил начальству. Жена завлаба очень даже успешно защитилась в другом институте, с директором которого сам завлаб в свои лучшие времена заседал вместе то ли в райкоме, то ли в райсовете, то ли в еще каком столь же почтенном и интеллигентном заведении. Виктор же, с лица которого с тех пор уже не сходило выражение легкого, но не очень приятного удивления жизнью, стал по зернышку собирать данные на новую диссертацию, защите которой придавал теперь даже некое сакральное значение, постоянно таская все результаты с собой в старом портфеле, чтобы на этот



раз они уже ни при каких обстоятельствах не могли попасть ни в чьи загребушие руки. Правда, на сейчас никто за ним и не охотился — сестер, братьев или взрослых детей ни у завлаба, ни у его жены не было, да к тому же еще через пару лет завлаб действительно ушел по новой на повышение, а сразу вслед за этим исчезла из институтской ведомости на зарплату и его жена, которую все равно никто не видал с момента ее блистательной защиты. Так что, как это ни странно, но, пусть и с запозданием на четыре года, а все-таки Виктор защитился и по истечении положенного времени получил и соответствующие корочки. Ему было тридцать, он был кандидатом, и, как он сам осторожно полагал, многое все еще было впереди, и жизнь вполне могла бы ему и улыбнуться. Конечно, могла бы... но...

## 2

Перестройка входила в зенит, высшее руководство на манер мартовских котов намертво сцепилось в визгливой драке за право быть самым главным и, разумеется, первым при кормушке, экономика перестала быть экономной, и неудержимый поток демократизации каким-то совершенно непостижимым для Виктора способом сократил финансирование их института практически до нуля. До той поры Виктор относился к происходящему в верхах с заметной долей отстраненности, наивно полагая, что его не касаются ни речи в Кремле, ни выступления ораторов на Манежной — политика политикой, а специалисты, к которым он себя, с полным на то основанием, причислял, должны быть нужны всегда. Жизнь, однако, быстро просветила его на предмет того, что все в мире взаимосвязано, и замена лысого и малорослого президента на президента крупного и с шевелюрой, равно как и приход частной собственности на смену пусть даже и модернизированной, но все еще социалистической системе хозяйствования, путем каких-то сложных пертурбаций привели к тому, что у них в институте начались первые на памяти даже старожилы задержки с зарплатой и сокращения. Стоит ли удивляться, что одним из первых сокращен был как раз свежий кандидат, который за свои годы в институте полезными связями по очевидному недомыслию так и не оброс, а вот денег на исследования периодически позволял себе у дирекции испрашивать. В тот момент, когда возможность обналичивания безналички открывала перед представителями любой администрации возмож-

ности самые вдохновляющие, такие просьбы стали рассматриваться как прямое залезание в собственный карман, и Виктору объяснили, что его тематика перспектив не имеет, а их лаборатория, так и стоявшая без начальника, к роли которого, кстати, уже не раз потихоньку примерял себя фантазер и романтик Виктор, расформируется. Спасибо, так сказать, за многолетний плодотворный труд.

Оказавшийся на улице Виктор попытался было сунуться туда; сюда, но во всех поголовно институтах шла интенсивная работа по сдаче институтских площадей в аренду растущим, как плесень, разнообразным конторам и торгующим заведениям с последующим бранчливым дележом вырученных тугриков в дирекции и ее ближнем окружении, так что заниматься трудоустройством молодого кандидата было просто невозможно — от своих еле успевали избавляться, так что с наукой, как с печалью ощутил Виктор, ностальгически вспоминая свои вечерние опыты в пустой лаборатории под рассеянным взглядом насосавшегося лабораторного спирта своего когдатошнего наставника, на неопределенный срок было покончено, причем, похоже, не только для него самого, но и вообще. Появились, как стало принято говорить, другие приоритеты. Конечно, оставалось еще преподавание, поскольку старые учебные заведения еще держались и, более того, непрерывно появлялись разнообразные новые, причем, платные квазиинституты и псевдоуниверситеты, которым тоже надо было хоть чему-то учить срочно набранных студентов, тем более, что деньги вперед с них получить уже успели. Беда была только в том, что нерасторопный Виктор, как всегда, поспел лишь к шапочному разбору — таких, как он, было множество, и более динамичная часть этого множества о перспективах преподавательской работы подумала раньше, так что и успела оккупировать все мало-мальски приемлемые позиции. Он нервически покрутился в паре мест на должности как бы совместителя, но пришел к естественному выводу о том, что без основной работы совместительских денег на прокорм не хватит, как ни крутись. Пришлось двинуться по уже проторенной многими паучниками тропе частной инициативы, забросив (фигурально) свой многострадальный кандидатский диплом за шкаф.

Из предыдущей жизни в новую Виктор вышел с тем немногим, что осталось ему от родителей, в силу естественно-возрастных причин — ребенком он был очень поздним, но зато единственным — умерших еще в его студенческие годы. Во-первых, у него

было жилье — он был теперь единственным обитателем чуть не двадцатиметровой однокомнатной квартиры на улице Строителей, где его родители жили еще с тех незапамятных времен, когда эта улица только возникла на карте Москвы, и где он сам и появился на свет (опять же, фигурально, поскольку на свет он все-таки появился в районном роддоме, а в квартиру эту был перевезен уже во вполне зрелом десятидневном возрасте). Во-вторых, от отца оставался в его владении первый «Жигуленок» выпуска 1974 года, на котором, к счастью, ездили очень мало, поскольку ездить, собственно, было и некуда — на дачку родители так и не накопили, а отпуска свои — сначала одни, а потом и вместе с Виктором — они проводили в когда-то таких популярных байдарочных походах по рекам и озерам Среднерусской возвышенности. Короче, машина кое-как еще бегала. Правда, совершенно неожиданно для себя самого, он стал владельцем еще одного куска собственности, поскольку скоропостижно умерла, не вынеся крушений прошлых идеалов, единственная его родственница — мать тетка, которая происходила из тех идеалистов, что даже из сталинских лагерей вышли с непоколебимой уверенностью в неизбежной победе «правильного» коммунизма. А тетка действительно прошла лагерь, что, собственно, и было единственной причиной того, что в недолгие годы «исправления прошлых ошибок» она умудрилась получить обратно потерянную в результате ареста московскую прописку и даже малогабаритную двухкомнатную квартиру за Измайлово вместо отнятой у нее и быстро заселенной гебьем шикарной комнаты на Мясницкой, как она по старой привычке называла всегда улицу имени почему-то не очень почитавшегося ею Кирова. И хотя новые времена с их новыми приоритетами и надрывали ее сердце, но кое-какими предоставленными этими временами возможностями она воспользовалась, еще при жизни переоформив свою квартиру на Виктора. Так что дальнейший его путь вырисовывался прямым, как стрела: он, как, впрочем, и немало других, ему подобных, решил сдавать квартиру и дополнительно подрабатывать извозом. По его расчетам, на жизнь должно было хватить.

В общем, примерно так оно и оказалось, несмотря на то, что опять все пошло вовсе не так славно, как он первоначально прикидывал. Хотя жильцов ему удалось найти довольно быстро и, похоже, сравнительно приличных — во всяком случае, против его периодических проверочных визитов они не возражали и квартиру, вроде бы, в бардак или склад наркотиков не превра-

тили, но он, естественно, как и подавляющее большинство других московских сдаччиков, никакого официального договора с жильцами не заключал и с оговоренной квартплаты налогов государству, которое он справедливо рассматривал как главный, если не единственный источник своих бедствий, платить не собирался, а вот провести предварительную рекогносцировку на местности — то есть выяснить, как вообще ведутся дела в доме почившей родственницы — он не догадался. В результате, вместо того, чтобы договориться с жуликоватым управдомом о твердо оговоренных отчислениях еще до всех своих сдач и заселений, он подвергся, если так можно выразиться, разбойному нападению этого самого управдома уже через несколько месяцев после того, как квартира была заселена, и теперь управдом, чувствуя на своей стороне полную силу, потребовал от Виктора просто отдавать ему треть получаемого, в противном случае угрожая сообщить о нелегальном бизнесе в милицию и вообще добиться изъятия квартиры. Прошел ли бы этот номер, сказать трудно, но рисковать осторожный и несколько уже запуганный жизнью Виктор не хотел. А, стало быть, выхода не было, и ему пришлось платить, сильно, правда, раздражаясь тем, что хотя отдаваемая сумма примерно соответствовала тем налогам, которые ему пришлось бы платить, если бы он все организовал юридически правильно, но налоги разворовывались бы какими-то лично ему не известными жуликами-чиновниками (поскольку никакого другого пути использования налогов он представить себе не мог и, как мы знаем, был в этом совершенно прав), но это носило бы морально менее болезненный характер, чем своими руками отсчитывать бумажки конкретному и, правды ради, исключительно мерзкому жулику. В общем, как бы то ни было, планируемая сумма доходов заметно уменьшилась. Нечто аналогичное произошло и с извозом, поскольку при интенсивной эксплуатации старая машина начала требовать непрерывных ремонтов и, следовательно, дополнительных капиталовложений, да к тому же и конкуренция была так велика, что итоговый заработок особого почтения не внушал. Но перебивался, не уставая с осторожной безнадежностью поругивать судьбу, которая довела его до жизни такой. Да собственно, жизни особой и не было, поскольку все ее радости шли как-то мимо. Даже и девушки постоянной не было по причине хронического бюджетного дефицита, как будто та давнишняя студенческая любовь наложила на него клеймо неудачника по женской части. Тоска.

\* \* \*

Первые публикации включенных в книгу произведений:

- ЛЕСТНИЦА** — журнал «Дружба Народов», 2020, № 1  
**ВРЕМЯ МЕЖДУ** — сборник «Время между», Пушкинский Фонд, 2000  
**ТРОПИНКА НА БЕРЕГУ** — «Новый Журнал», 2021, № 303  
**РАФФЛЗ ОТЕЛЬ** — журнал «Новый Берег», 2022, № 79 (журнальный вариант)  
**ЧЕЛОВЕК НА СОСЕДНЕЙ КОЙКЕ** — онлайн-журнал «Семь Искусств», 2021, № 8  
**БАПТИСТ** — «Новый Журнал», 2011, № 264  
**ЗИМНИЕ БОТИНКИ** — «Новый Журнал», 2020, № 298  
**НОЧЬ В АФИНАХ** — онлайн-журнал «Семь Искусств», 2021, № 10  
**LE SAFARD** — «Новый Журнал», 2012, № 10,  
**ЗЕРКАЛО** — журнал «Новый Берег», 2021, № 73  
**В ЧЕМ ЖЕ ДЕЛО?** — онлайн-журнал «Семь Искусств», 2021, № 10  
**ТЕМНОТА** — «Новый Журнал», 2020, № 298  
**ПАУЧОК** — журнал «Дружба Народов», 2017, № 5  
**ПОРТРЕТ МЕРЗАВЦА В РАСЦВЕТЕ ЛЕТ** — онлайн-журнал «Семь Искусств», 2021, № 10  
**ЕЛЫ-ПАЛЫ** — журнал «Континент», 1999, № 102  
**Из дневника (Одна жизнь)** — повесть впервые опубликована в журнальном варианте в «Новом Журнале», 2018, № 291



**Владимир Торчилин** — доктор химических наук, профессор, лауреат Ленинской премии, член Европейской академии наук. Работал в МГУ и в Кардиологическом центре АМН. С 1991 года — профессор Гарвардской медицинской школы, затем — заслуженный профессор и директор Центра фармацевтической биотехнологии и наномедицины Северо-восточного университета в Бостоне.

Его рассказы и повести публиковались в России в журналах «Новый Мир», «Аврора», «Волга», «Север», «Дружба народов», «Континент», «Всемирное слово» и во многих русскоязычных изданиях в США. В России и в США вышло восемь сборников его рассказов и повестей.

Действие его произведений разворачивается и в России, и в Америке, они рассказывают о непростой жизни людей нашего времени. Написанные живо, интересно и с долей иронии, они читаются легко и увлекательно.

---

Знаменитый российский литературный критик Бенедикт Сарнов писал в предисловии к его первой книге: *«Первые рассказы В. Торчилина поразили меня тем, что их автор не то чтобы «подавал надежды» — передо мной был законченный, сложившийся, уже состоявшийся писатель. Настоящий. Со своей манерой, своим, судя по всему, уже давно обретенным художественным почерком... Владимир Торчилин по самому складу своего дарования, или лучше сказать — по устройству своего писательского зрения, склонен рассматривать изображаемую им реальность именно на молекулярном, на клеточном уровне».*

Такое проникновение в ситуации и характеры делает эту книгу интересной для самых разных читателей.



ISBN 978-1-960533-04-3

